

Ты — их Мать.

Они, естественно, будут искать тебя, взывая к твоему благословению и покровительству.

Татин кивнул и приподнялся на кровати. Его тело пронзила острая боль, и он с некоторым мучением произнёс:

— Можешь помочь мне унять боль?

?...

Дорогой, я не шкатулка с сокровищами. Ты ушибся? Пожалуйста, береги себя, ты очень ценен, и я не смогу возместить ущерб, если ты пострадаешь.

— Не знаю, — ответил Татин. — Возможно, это связано с прошлой ночью... ну, хоть как-то связано? Кстати, это ты кормила меня питательным раствором?

Он помолчал, а затем добавил:

— Просто данные на экране показывают, что я уже принял питательный раствор.

Почему ты решил, что это была я?

Голос звучал холодно, но Татин был уверен, что тот скрывает усмешку.

— Тогда кто же это был? — он надеялся, что это не Либерта. Если бы его увидели в таком состоянии, его бы точно утащили куда-нибудь.

Хм... возможно, дорогой, тебе стоит поговорить со своим потомком. Кажется, он сходит с ума.

Ощущение тянущей боли в нижней части живота становилось всё сильнее. Внутри будто всё переворачивалось, издавая характерное урчание.

[Тёплое... тёплое место.]

Голос прозвучал снова, но теперь он был другим. Раньше это всегда был равнодушный механический тон. Сейчас же Татин словно уловил в нём нотки настоящих, живых чувств.

Живот продолжал ныть.

Татин в нерешительности откинул одеяло и положил руку на живот. Поколебавшись, он всё же потянул за край штанов и слегка опустил их, полностью обнажив низ живота. Его кожа и без того была бледной из-за болезни, а после того, как он кутался в одежду, стала ещё светлее. На коже от резинки штанов осталась красная полоса, и только сейчас Татин заметил, что живот слегка вздулся.

[Тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло,
тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло,
тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло,
тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло, тепло.]

Он снова завёлся. У Татина разболелась голова, но тянущая боль в животе лишь усиливалась. Что же происходит?

Похоже, он очень хочет поиграть с тобой. Что ж, желаю вам обоим повеселиться.

— Ты хочешь поиграть со мной? — осторожно спросил Татин. — Хочешь?

Условие казалось ему заманчивым, очень заманчивым.

[Хочу! Хочу, чтобы мама была рядом, мама, люблю, люблю.]

[Не хочу строить гнездо здесь, хочу... здесь, чтобы был я.]

Татин внезапно почувствовал странное шевеление внизу живота, словно что-то тыкалось в него изнутри. Так странно. «Ты...» — он словно гладил свой собственный живот. Это оно?

[Люблю, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю.]

[Мама, я здесь.]

— Гур-гур.

— ... — Татин опустил взгляд на свой живот. — Ты опять.

Движения внутри замерли.

[Я, мама, хочу потрогать тебя, можно?]

— А если я скажу нет?

[Нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно.
нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно,
нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно,
нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно,
нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно, нерадостно.]

Татин начал мягко и бережно поглаживать свой живот.

[Радостно.]

Он был таким легко удовлетворяемым существом.

[Хочу стать единственным для мамы...]

Что ж, пожалуй, его не так уж легко удовлетворить.

Татин продолжал поглаживания, чувствуя, как тело наливается тяжестью. Слабость от простуды всё ещё не отступила, и его клонило в сон. Он слегка покачал головой — он очень хотел спать.

[Мама отвлекается.]

Ох, а ещё он был ужасно упрямым.

[Мама, когда делаешь что-то, нужно быть внимательной.]

Хм, а ещё он умел читать нотации.

[Смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня, смотри на меня.]

Он был как маленький магнитофон. Похоже, он разозлился и начал пинаться изнутри. Татин не видел его, лишь чувствовал это странное давление — несомненно, он снова пытался привлечь внимание.

В конце концов, побеждённый сном, он уткнулся лицом в подушку и глухо пробормотал:

— Я хочу вздремнуть.

Движения прекратились.

Он задумался.

Затем он отступил от стенки живота.

Тянущее ощущение исчезло.

[Мама, хочу всегда быть рядом с тобой. Хочу стать единственным, единственным ■■■]

Он начал бредить.

[Впрочем, скоро мы увидимся.]

— Мама.

Татин сбил свой режим. Вчера он слишком устал, к тому же разболелся — горло и лёгкие жгло, они постоянно чесались. Он провалился в тяжёлый сон, не зная, сколько времени прошло.

Пока не зазвенел будильник. С трудом выбравшись из-под одеяла, он сонно взглянул на часы у изголовья.

03:21

Наступила глубокая ночь.— Я проспал так долго. — Голос Татина звучал хрипло, ему нужно было найти воды.

Встав с кровати, он почувствовал, что тело словно ватное, конечности совершенно не слушались. Татин не стал вдаваться в подробности, решив, что это из-за долгого сна нарушилось кровообращение. Всё тело было липким, будто после изнурительной тренировки, когда нет сил сразу привести себя в порядок; верхняя одежда неприятно прилипла к спине.

Это липкое ощущение было крайне противным, и, выпив воды, Татин решил принять душ.

В ванной комнате зеркало висело прямо напротив ванны. Встав перед ним, Татин приподнял край одежды и отчетливо разглядел свое тело — сверху донизу. На шее виднелись покраснения, то же самое было на нижней части живота. Там остались какие-то следы — несколько красных полос, хотя ноющая боль уже прошла. Наверное, это от слишком тугий резинки пижамных штанов.

Наполнив ванну, Татин погрузился в воду. Спрятав половину лица под водой, он наконец-то смог немного отдохнуть. События последних дней держали его в постоянном напряжении, не давая даже перевести дух. Стоило закрыть глаза, как в памяти всплывали сказанные Ему слова.

— Люблю.

Хм... опять слуховые галлюцинации.

— Беленькая, Мать.

Опять он ведет себя развязно.

Поверхность воды слегка задрожала, и Татин почувствовал, как по всему телу разливается приятная дрожь. словно электрический разряд пронзил его, а вернее — будто его кто-то ласкал.

Татин был очень утомлен. Он подтянул колени к груди и спрятал в них лицо. Минуты тянулись, а вода становилась всё горячее. Хотя, когда он её набирал, температура была в самый раз.

— Будь теплее, Мать должна быть в тепле.

— М-м... — пробормотал Татин.

Эта фраза подействовала на него как стимулятор.

— Тебе приятно?

— Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно? Приятно?

— Мать.

— Ты уснула?

— Т_Т

Дыхание стало ровным.

Мать Зергов, сидевшая в ванне, сейчас была очень слабой и истощенной. Двойное ментальное воздействие оказалось для него слишком тяжелым, и состояние организма стало вызывать тревогу.

— Мне нужно отдохнуть, я очень хочу спать. — Татин словно договаривался с ним, прося не беспокоить его хотя бы этой ночью. — Будь послушным, хорошо?

Слова «будь послушным» подействовали как успокоительное, заставив Его замолчать.

— Угу!

— Я буду оберегать Мать.

Хотелось бы верить, что это будет настоящее покровительство, а не...

— ...Перестань лизать там.

— Хорошо, Мать.

И он просто перебрался в другое место.

Татин был крайне слаб. Лежа на кровати, он безразличным взглядом смотрел на большой экран, под глазами залегли темные круги.

[Обнаружены критические аномалии в вашем организме.]

[Температура тела зашкаливает.]

[Чрезмерное истощение.]

[Боевая мощь: -9999]

За какие грехи его так наказали? Боевая мощь снова ушла в минус.

Физические отклонения, скорее всего, были связаны с крыльями за спиной. Татин догадывался об этом, ведь каждый раз, когда ему становилось невыносимо плохо и он оказывался на грани потери сознания, крылья непроизвольно появлялись сами по себе. И с каждым разом слизь на их кончиках становилась всё более вязкой.

А следом поднималась температура.

В воздухе едва уловимо... пахло конфетами. Очень сладко.

[Ваше состояние выглядит не лучшим образом.]

[Вам необходимо соблюдать умеренность.]

Татин уткнулся головой в подушку, не разобрав толком последнюю фразу, и не ответил на вопрос системы, провалившись в беспамятство.

Раннее утро.

Татин привел свою комнату в порядок, убрал вчерашние коробочки из-под лекарств в ящик. Свои штаны он так и не нашел, поэтому пришлось накинуть длинную верхнюю одежду, чтобы прикрыться.

Бледную кожу ласкали лучи утреннего солнца, пробивавшиеся из окна. Ноги Татина ритмично покачивались.

В комнате царила тишина. Убравшись, он подошел к кровати и, опустившись на четвереньки, стал искать сумочку с питательным раствором. Помнил лишь, что засунул её под кровать, а вот куда именно — забыл.

Татин стоял в такой позе, отчего его колени покраснели.

Наконец, в самом дальнем углу он нащупал потрепанную сумку. Рисунок на ней почти стерся — видимо, от частого использования.

Что там было изображено?

Он не мог вспомнить, но, наверное, это было неважно.

В сумке оставалась всего одна порция питательного раствора, этого вряд ли хватит до следующего месяца.

Лаборатории на этой планете ещё не превратились в полные руины, но ради безопасности всех желающих внутрь пускали только в начале каждого месяца. Большинство людей приходили туда, чтобы поживиться припасами или найти немного золотых монет, но Татин нуждался лишь в питательном растворе.

Он находился в самой труднодоступной комнате.

Поэтому каждый поход туда напоминал вылазку вора: Татин был крайне осторожен, подозрителен и никому не доверял. Встречные люди не раз звали его с собой, предлагали идти вместе, но он всегда отказывался.

<http://bllate.org/book/29413/3574708>